

ЭКСКЛЮЗИВ

Данелия не любит давать интервью: Впрочем, сейчас все не любят этого делать, кроме начинающей поп-звезды. Время — деньги. И если некий наш популярный актер (не хочу называть его фамилию, а то еще читатели его возненавидят) получает за съемки тысячу долларов в день, то эта формула обретает свою материальную, вещественную суть.

Время — деньги. Но мне кажется, Данелия никогда не был из этой pragmatичной когорты: по-моему, он немножко Бенжамен из своего же «Не горюй!». Наверное, ему изначально свойственно то, что начинанные люди определяют как «dolce far niente», то есть «сладкое ничегонеделание». Это даже не способ жизни, а способ мышления, и он отнюдь не идентичен русскому слову «лень».

Короче, Данелия не любит давать интервью — и я его за это уважаю. Сколько на моем веку было таких подписантов, готовых завизировать что угодно и про что угодно — ничего хорошего из этого обычно не получается.

Я все это знала. А вот теперь убедилась на собственном опыте.

Данелия я схватила почти что силой — это было в Кисловодске, на VI Российском кинофестивале. Он выходил из номера, спешил и как-то на ходу сказал — пойдемте позавтракаем, а то опоздаем. Отказаться ему было уж совсем неловко. Но и какая беседа за столом? С другой стороны, так же просто не встанешь и не уйдешь, тем более интервьюер — все-таки дама, хотя и журналист.

Вот так мы поболтали о том о сем. Повторяю, Георгий Николаевич редко высказываеться, да и здесь он скорее не говорил, а возражал, реже соглашался. Не знаю, как получилось.

Толчком к беседе послужил его новый фильм, который он привез в Кисловодск и который зрители еще не видели. Называется он просто — «Настя». Почти как «Афоня». Лично мне он показался весьма отличным от того, что делает Данелия, — это не комедия, а, как написала газета «Сегодня», — сказка. Не очень, правда, понятно, по статье — хорошо это или плохо для фильма. Но оценки сегодня выставлять как-то не принято.

— Но «Слезы капали», — вступает Данелия, — ведь тоже не комедия. Я вообще не считаю себя комедийным режиссером.

— !!

— Да. У нас есть один чистый комик — это Гайдай.

— Вы знаете, быть может, поэтому ему так и трудно сегодня — ведь, наверное, чистых жанров не бывает. Это как кислородная камера, в которой ведь жить нельзя, хоть и жить нельзя без кислорода. Вот и заметно, что редкостное дарование Гайдая ну как бы подустало, что ли...

— Подустали все. Не только Гайдай.

— Вы сказали, что не считаете себя комедиографом...

— Это всегда был очень сложный вопрос. Чехов, например. В начале жизни — Чехонте, и вдруг к финалу — «В овраге».

— Да и все его пьесы почему-то называны комедиями. Хотя по сути, по сюжету — это драмы.

— Когда я смотрел «Калину красную» Шукшина, я хотела до упаду. Так это что — комедия? У меня были фильмы самые разные, был, например, такой, как «Путь к причалу». Там совсем не комедия. Но если стараешься делать что-то о жизни, то никогда не избегнешь ни комических ситуаций, ни поворотов, ни характеров. Но комиком я себя не считаю.

— Я все-таки скажу несколько слов о картине «Настя», чтобы читателю было понятно. Живет бедная, некрасивая девушка, дочь дворничихи. Некрасивая, но, правда, очень милая, обаятельная. И вот вдруг, повстречавши злобную старуху на велосипеде [Н. Тер-Осиан] и помогши ей в осуществлении волшебного желания, превращается в красавицу с календаря. Оставаясь, впрочем, той же самой по сути.

— Вот здесь у нас и была сложность, — продолжает Данелий. — Надо было подыскать другую актрису, но чтобы была именно та же по сути, что и первая. Искали мучительно долго. Знаете, почему? Потому что красивые девушки дер-

жатся, как правило, агрессивно, высокомерно, они — пусть не по сути своей, но по внешности — неизбежно похожи на валютных проституток. А нам нужна была совсем другая.

— Вы знаете, мне эта история напомнила «Этот смутный объект желания» великого испанца Луиса Бунюэля. Там ведь тоже героиню играют две совсем разные актрисы. Как рассказывают, Бунюэль тоже очень долго искал актрису на главную роль. И ему порекомендовали Марию Шнайдер из очень модного тогда «Последнего танго в Париже». Он посмотрел картину и ужаснулся — Бунюэль, создатель «Дневной красавицы», ужаснулся откровенному эротизму. Вот так возникли две актрисы, в противовес одной Марии Шнайдер.

— Ну, положим, Бунюэль мне рассказывал другое. Он говорил, что в женщинах всегда как бы два лица — чистота и порок, обаяние и агрессивность, добро и зло. Вот отсюда и две актрисы.

— Я вспомнила то, что рассказывала одна известная критикесса...

...Постараюсь все-таки описать один эпизод из фильма «Настя», который мне больше всего понравился и напомнил прежнего Данелия, с его ред-

Георгий Данелий:

Немножко Бенжамен

костной экспрессией сарказма. Этот эпизод в фильме происходит в метро, поздно вечером. Настя вдруг (!), красивая Настя, оказывается не то миллионным, не то десятимиллионным пассажиром. И ее, заранее выбрав и извлекши из серой, ординарной толпы, возносят на сияющие вершины успеха. По поводу новой «миллионерши» тут же, в метро, устраивается немыслимое шоу с репризами, конферансом, салютом Юлием Гусманом и длинноногими мажоретками. Настю одеваются в песьевое манто, ей преподносят то ли телевизор, то ли магнитофон, то ли кухонный комбайн — что-то, одним словом, в заграничных коробках.

Все это, вскипая, как шампанское, ширится и растет, принимая какие-то уже фантастические размеры.

А в это время мимо всех этих фейерверков мчатся набитые людьми поезда — они не останавливаются на этой станции. В самом деле, какого черта, ведь не ради же езды на метро устраивается все это великолепие! И только мелькают тесно прижатые к стеклам испуганные, ошарашенные лица пассажиров — немиллионных...

Уже после завтрака, понимая, что времени на беседу у меня, как видно, очень мало — да и была ли это беседа? — постаралась резко оторваться от конкретики «Насти» и перейти к вопросам общего характера.

— Скажите, — взяла я быка за рога, — вот говорят, что скоро мы будем выпускать не сто пятьдесят, а, ну скажем, порядка сорока фильмов в год.

— И даже меньше.

— Значит, это правда?

— Конечно.

— Ну и какие, по-вашему, это будут фильмы? Элитарные, коммерческие! Или, наконец, это будут фильмы для всех, понятные и в Доме кино, и в самой что ни на есть глубинке!

Ну такие, как мы делали раньше, в застойные времена. Я имею в виду лучшие наши фильмы.

— Вы знаете, — ответил Данелий, — это великое заблуждение, что мы делали фильмы для всех и все их смотрели. Конечно, спора нет, смотрели больше, несравнимо больше, чем сейчас, но...

Но из прежних ста двадцати — ста пятидесяти фильмов очень хороши были буквально несколько штук, даже меньше десяти. Ну еще с десяток с небольшим просто хороших картин. А остальное?

Остальное-то и составляло вал. И вы знаете, как раз те фильмы, о которых не говорили и не спорили или которые, наоборот, дружно ругали критики, — они-то как раз были самыми кассовыми, их-

то и смотрели все. Я хорошо знаю эту коммерцию, потому что работал в экспериментальном объединении Чухрая. А потом много лет — в объединении комедийных и музыкальных фильмов, и там-то как раз и делались эти самые кассовые фильмы, считавшиеся у нас, между собой, самыми плохими.

— Ведь как строилась эта статистика? Идет, положим, советский фильм на одном сеансе, а на остальных — там, египетское, индийское, или, скажем, французское. А считают все на советскую картину.

Вот вам и борьба за зрителя. Вот вам и касса. Вот вам и фильмы для всех.

Очень было мало на экране, по сути, своих фильмов. Вся Средняя Азия и Кавказ смотрели Индию, чем ближе к Европе, тем больше было Франции и Италии. Америки было очень мало. Но, правда, зато она была хорошей. Ничего, разумеется, и близко не имеющей по качеству с той макулатурой, которая заполонила сегодня экранное пространство.

Ведь эти фильмы в Америке никто и не смотрит, там их не знают, этих названий нет ни в одном каталоге. По-моему, такого нет даже в Африке. А мы — смотрим, вернее, нам показывают. Откуда-то выкапывают и показывают. Откуда — не знаю. Но могу себе представить. Если посмотреть на их цену.

— Какие из своих фильмов вы больше всего любите? Только не говорите, что они вам как дети... Ведь и у вас тоже были разные картины. Скажем, «Тридцать три», ее до сих пор показывают. Но мне представляется она — ну не знаю, грубо что ли, однолинейной, особенно рядом с другими вашиими картинами. Наверное, «Тридцать три» — самая кассовая ваша картина!

— Я понимаю, вы намекаете на тот наш предварительный разговор о природе кассовости. Но самой кассовой была не «Тридцать три», а «Афоня»...

— Прекрасная, по-моему, картина, тонкая, глубокая, с очень интересными характеристиками. Вот вам и пример сочетания и кассовости, и высокой художественности, редкий, конечно, пример.

— Я еще среди своих я люблю «Не горюй!», «Осенний марафон». Но сейчас фильмы до зрителя не доходят. Вот, например, «Паспорт» посмотрели по телевизору, мне многие звонили, и я понял, что они смотрели в первый раз. А шла она на зрителя очень странно — в Петербурге заняла одно из первых мест, даже среди американских, а в Москве прошла слабо.

— Быть может, широкому

зрителю далеки эти эмигрантские проблемы?

— Вы знаете, в этом смысле, в смысле заведомого неприятия, я прекрасно понимал, что делаю громкую смесь — евреи, да еще грузины. Кого у нас больше всего не любят? Но когда картину посмотрели — дворник у нас, например, в доме, самый высокий авторитет по простому народу, — он мне такой знак сделал, знаете, народный: Николаич, мол, хорошая картина! Значит, техника не отпугнула...

— Вы пересматриваете иногда старые картины! Свои, чужие! Знаете, вот у меня, например, возникают переоценки на дистанции лет. Помню, мне очень не нравилась «Москва слезам не верит». А потом, спустя годы, я в ней что-то все-таки увидела. Ведь недаром зритель ее смотрел. От такого же нельзя отмахиваться!

— Нет, я не пересматриваю. «Москва слезам не верит» профессионально сделана крепко, сценарий слегка подгружен, а остальное все на уровне.

— А свои картины! Как бы вы их сейчас снимали?

— «Осенний марафон» я снять мог бы. А вот «Я шагаю по Москве» — нет.

— Там — время, аура шестидесятого...

— Нет, просто там оператор, актеры, композитор и, в сущности, нет никакого сценария.

— Положение на нашем экране сегодня удручающее...

— Американцы заполонили весь мир, не только нас. Они заполонили, скажем, Италию, которая делала кино лучше нас.

— Ну уж...

— Лучше. Во всяком случае, я так считаю. Не только американское кино — американский стиль господствует во всем мире, в Африке тоже одеваются под американцев. И мы с вами, разумеется. Стиль одежды, поведения, стиль жизни. Индийцы вот, правда, нашли, нащупали в кино свой какой-то тон — и, посмотрите, там смотрят свое кино.

— Но это объясняется особенностями культуры, отсутствием телевидения, многозначением, там еще пока переживающим бум кино — эта эпоха еще не ушла.

— Но во всяком случае там есть это — фильмы для всех. У нас их нет. Сегодня. Да не знаю, впрочем, были ли они вообще...

— А национальное кино!

— Как все. Как и у всех. Почему должны быть исключения?

Беседу вела

Валентина ИВАНОВА.